

Микитюк С. С.,
кандидат філологічних наук,
доцент кафедри іноземних мов № 1
Національного юридичного університету імені Ярослава Мудрого

ПРОБЛЕМА БАЙРОНИЗМА В. А. ЖУКОВСКОГО

Аннотация. Стаття посвящена изучению проблемы байронизма В.А. Жуковского, рецепции творчества Дж. Байрона в его поэзии, места созданных им переводов в истории русского романтизма.

Ключевые слова: романтизм, перевод, байронизм, романтическая поэма.

Постановка проблемы. Поэзия Байрона отразилась на литературах всех народов Европы. Появление Байрона в России сравнивали с пистолетным выстрелом в ночи. Его переводили, ему подражали, его пересказывали и имитировали. Появилось такое понятие, как «русский байронизм». Хотя В.А. Жуковский полностью перевел лишь два произведения Дж. Байрона – стихотворение «Песня» и поэму «Шильонский узник» (Э.М. Жиликовой было установлено, что русский поэт перевел также половину 49 строфы «Паломничество Чайльд Гарольда», в его планах был и перевод «Манфреда» и «Гяура») [1, с. 484], его вклад в освоение поэзии Дж. Байрона на русской почве был значителен, что осознавали уже современники.

Творчество В.А. Жуковского – переводчика Дж. Байрона, естественно, не раз привлекало к себе внимание критиков и литературоведов. Представление о восприятии его современниками дают рецензии П.А. Плетнева [2] и О.М. Сомова [3]. Из дореволюционных работ следует выделить статью А.П. Налимова [4], специально посвященную переводу «Шильонского узника». Важный материал, который должен быть учтен при дальнейшем изучении проблемы, содержится в работе А.Н. Пыпина [5], монографиях В.И. Резанова [6], П. Загарина [7], В.И. Маслова [8], А.Н. Веселовского [9]. Из советских исследователей интересующей нас проблемы касались Н.О. Демурова [10], Н.Я. Дьяконова [11], И.А. Дубашинский [12], А. Зверев [13], И.Г. Неупокоева [14], В.М. Жирмунский [15], А.В. Лашкевич [16], В.Н. Топоров [17, с. 205–213], В.И. Сахаров [18]. Особого внимания заслуживает богатое новым, впервые вводимым в науку материалом исследование Э.М. Жиликовой [1].

Цель статьи – изучить особенности «байронизма» В.А. Жуковского, рецепции творчества Дж. Байрона в поэзии русского романтика, места созданных им переводов в истории русского романтизма.

Изложение основного материала исследования. Знакомство В.А. Жуковского с произведениями Дж. Байрона обычно датируется 1818–1819 гг. Свидетельством этому является письмо Д.Н. Блудова 1818 г., где он сообщает о высланных поэту произведениях Дж. Байрона [19, с. 658], а также письмо А.И. Тургенева П.А. Вяземскому. Однако известно, что о Дж. Байроне как об одном из самых талантливых английских поэтов В.А. Жуковский узнал гораздо раньше, еще в 1814 г. из письма С.С. Уварова от 20

декабря: «Теперь у англичан их только два – Walter Scott и Lord Byron. Последний превышает может быть первого» [20, с. 16]. Свидетельством увлечения В.А. Жуковского Дж. Байроном служит записка, адресованная А.И. Тургеневу (не датирована): «Что же ты не присылаешь мне переводов моих стихов? Что же нет у меня Манфреда? Возьми его (если его отдал) у Козлова, также и Мазепу и доставь... Отвечай и все доставь через Петровского. Нельзя ли мне прислать всего Дж. Байрона своего на время?» [19, с. 662].

Известно также, что Дж. Байрон, в свою очередь, был знаком с творчеством В.А. Жуковского, представленным в «Российской антологии» Дж. Бауринга. В письме Томасу Муру от 27 декабря 1823 г. Дж. Байрон называет В.А. Жуковского «Russian nightingale» («русский соловей»). Особый интерес Дж. Байрона вызвало патристическое стихотворение В.А. Жуковского «Певец во стане русских воинов» (в то время английский поэт сражался в Греции). В указанном ранее письме Т. Муру поэт пишет: «Если лихорадка, истощение, голод или что-либо иное оборвет внезапно молодые годы вашего собрата – певца, пошедшего по стопам Гарсиласо де ла Веги, Клейста, Вернера, Жуковского, Терсандра или еще кого-нибудь, – это неважно, прошу вас помянуть меня вашими улыбками и вином» [19, с. 218].

Но непреходящий интерес к Дж. Байрону, убедительными свидетельствами которого мы располагаем, не отменяет того факта, что многое в английском поэте, в частности его богоборчество, было для него неприемлемо. «Многие страницы его вечны, – писал В.А. Жуковский И.И. Козлову 27 января 1833 г., – но и в нем есть что-то ужасающее, стесняющее душу. Он не принадлежит к поэтам утешителей жизни. Что такое истинная поэзия? Откровение в теснейшем смысле. Откровение божественное произошло от бога к человеку и облагородило здешний свет, прибавив к нему вечность. Откровение поэзии происходит в самом человеке и облагораживает здешнюю жизнь в здешних ее пределах. Поэзия Байрона не выдержит этой проверки» [20, с. 23].

Как творчестве Дж. Байрона В.А. Жуковский терпеливо искал, находил и переводил «свое», так и в Дж. Байроне-человеке русский поэт смог отчетливо разглядеть трагизм его натуры: «... Обратим взор на Дж. Байрона – дух высокий, могучий, но дух отрицания, гордости и презрения. Его гений имеет прелесть Мильтонова Сатаны, столь поражающего своим помраченным величием; но у Мильтона эта прелесть не иное что, как поэтический образ, только увеселяющий воображение; а в Дж. Байроне она есть сила, стремительно влекущая нас в бездну сатанинского падения. Но Дж. Байрон сколь ни тревожит ум, ни повергает в безнадежность сердце, ни волнует чувствен-

ность, его гений все имеет высоту необычайную (может быть, от того еще и губительней сила его поэзии; мы чувствуем, что рука судьбы опрокинула сознание благородное и что он прямодушен в своей всеобъемлющей ненависти – перед нами Титан, Прометей, прикованный к скале Кавказа и гордо клянуший Зевса, которого крушитель его внутренность» [21, т. 10, с. 86].

Эта характеристика базировалась на тщательном и разностороннем изучении наследия английского поэта. Список книг Дж. Байрона, находившихся в библиотеке В.А. Жуковского, впечатляет: «Манфред» с параллельными английским и немецким текстами (1819), «Гяур» на немецком языке (1819), «Паризина», перевод Верревского (1827), полное собрание сочинений Дж. Байрона на французском языке (1827–1830), «Гибель Сеннахериба» в сборнике «Английский экстракт из классических авторов» (1829), фрагмент, датированный 17 июня 1816 г., в книге «Вампир» в переводе П. Кириевского (1828), «Паломничество Чайльд Гарольда» на немецком языке (1836), «Мемуары Дж. Байрона» на французском языке (1830–1831), «Лара» (1814).

Исследовательница библиотеки В.А. Жуковского Э.М. Жилакова указывает, что поэту принадлежал целый ряд произведений Дж. Байрона, с его маргиналиями, анализ которых свидетельствует о том, что, благодаря его поэзии, первый русский романтик приобщался к особому типу романтического мышления с широкими философскими обобщениями, представшему в художественно совершенных формах в поэзии Дж. Байрона. Диалектика и пантеизм мышления Дж. Байрона способствовали совершенствованию художественного мировосприятия В.А. Жуковского и выработке широкого этического взгляда на мир [1, с. 123]. Естественно, наиболее значимый результат освоения В.А. Жуковским творчества Дж. Байрона – это его переводы из английского поэта, к анализу которых нам предстоит обратиться.

В 1820 г. (такого мнения придерживаются большинство исследователей – В.Г. Белинский, К.-К. Зейдлиц, А.В. Веселовский) В.А. Жуковский переводит стихотворение Дж. Байрона “Stanzas for Music” (1815), которое впервые будет опубликовано два года спустя в журнале «Сын Отечества» (1822, № 5, С. 15.). По мнению К.-К. Зейдлиц, возможно, эта песня переведена русским поэтом под впечатлением работы, которой он был занят в то время, – переводом «Орлеанской девы» [22, с. 129]. Это подтверждается тем фактом, что поэт изменил размер оригинала, трансформировав его в пятистопный ямб с парной рифмовкой, в тот самый, которым был написан монолог Иоанны (д. IV, явл. II) трагедии «Орлеанская дева».

Выбор В.А. Жуковского нам представляется не случайным. Известно, что Дж. Байрон сам назвал свое стихотворение «печальной песней», «самой правдивой, хотя и самой грустной из всех, что он написал», и написано оно было в память школьного товарища Харроу Дорсета. Необыкновенно грустная и философская песня Дж. Байрона, на которой лежала печать той «задумчивой меланхолии, которая наслаждается скорбию, любит одно минувшее, носится мыслию над гробами и в сетовании о мертвых находит сладость» [21, т. 10, с. 5], была необыкновенно созвучна настроению В.А. Жуковского начала 20-х годов XIX в. Возможно, глубина философской

мысли, трагическое понимание человеческого существования, поэтически-возвышенный лиризм Дж. Байрона в этом стихотворении увлекли и покорили русского поэта. Да и жизненная трагедия стала причиной обращения к стихотворению. Известно, что законченный перевод был отправлен М. Протасовой в Дерпт. Позднее в письме К.-К. Зейдлицу, другу и врачу В.А. Жуковского, она, глубоко чувствовавшая состояние души своего возлюбленного, писала о своем впечатлении от прочитанного: «Зачем только он написал свое последнее стихотворение? Стихи просто дурны. Чем более я перечитываю их, тем становлюсь печальнее. Заставьте его искупить грех чем-нибудь хорошим» [22, с. 128].

«Песню» В.А. Жуковского скорее можно назвать вольным переводом. Поэт сглаживает острые тона оригинала, на смену достаточно конкретным эпитетам оригинала приходит излюбленная В.А. Жуковским сентиментально-романтическая лексика: «хладный свет», «бедный челн», «слезы отрадны», «сердце вялое». Таким образом, переводчик создает свое произведение, в котором стилизует стихотворение в свойственных ему элегических тонах, усиливает элементы, родственные его восприятию жизни и его художественной идеологии.

Обратимся к более известному переводу В.А. Жуковского из Дж. Байрона – поэме «Шильонский узник».

Перевод «Шильонского узника» был начат 4 сентября 1821 г., а закончен в начале апреля 1822 г. Некоторые ученые, поэты, переводчики считали и считают творение русского поэта вершиной переводческого мастерства. Так А.Н. Пыпин, известный русский литературовед, член Петербургской академии наук, в 1865 г. в журнале «Современник» писал о том, что «Шильонский узник» имел переводчиком только В.А. Жуковского, вероятно потому, что другие до последней поры стеснялись вступать с ним в соперничество на этом поприще» [5, с. 229]. И, действительно, сегодня существует лишь два завершённых перевода поэмы: перевод В.А. Жуковского и перевод Шенгели.

Однако большинство исследователей склонны считать, что данный перевод поэмы – «это уже не Дж. Байрон в полном смысле слова, это скорее В.А. Жуковский» [10, с. 430]. Известно, что декабристы обвиняли В.А. Жуковского, резко критиковали и считали направление и влияние его поэзии вредным для русской общественной жизни и литературы. Поскольку В.А. Жуковский и его ученики, последователи школы «гармонической точности» (А.С. Пушкин), стали самыми известными переводчиками английского поэта, именно с появлением их переводов из Дж. Байрона, с открытием нового, совсем другого Дж. Байрона: далекого от политики, мастера любовной лирики, элегика и мечтателя – они вызвали критическое отношение к себе со стороны декабристов. В частности, А.А. Бестужев, давая характеристику главному русскому «Байронисту», автору многочисленных переводов из Дж. Байрона, И.И. Козлову, сравнивал его переводы с переводами В.А. Жуковского следующим образом: «У него есть искры чувства, но ливрея поэзии на нем еще не обносились, и не дай Бог судить о Дж. Байроне по его переводам: это лорд в В.А. Жуковского пудре» [23, с. 483]. Таким образом высказывалась мысль о том, что переводы В.А. Жуковского недостоверны, что это в большей мере

его собственные творения. Подобной точки зрения придерживался и П.В. Загарин, утверждавший, что переводчик «не столько заботился об ознакомлении русской публики с иностранным поэтом, сколько помощью его изображения передавал любезные себе представления страдальца Шильонской легенды» [7, с. 165].

Объяснений причин отступления В.А. Жуковского от оригинала существует достаточно. Их связывали с различием философских и эстетических взглядов двух поэтов, иногда даже с непониманием и случайным обращением к английскому поэту. По мнению А.Н. Пыпина, причиной обращения В.А. Жуковского, далекого от «положительных идей Байроновской поэзии», к поэме «Шильонский узник» был доступный ему меланхолический тон, близкий тону его романтических баллад. Это была единственная понятная ему сторона Байроновской поэзии, в то время как грань таланта английского романтика, «наиболее действовавшая на впечатления людей с общественным стремлением в душе», осталась ему чуждой [5, с. 234–235].

В литературоведческих работах вопрос об общности и различии мировосприятия двух поэтов сужался собственно к оценке перевода поэмы «Шильонский узник» и получал ответ, который сводился к идее неприятия Дж. Байрона консервативно настроенным В.А. Жуковским [8, с. 23–24; 24, с. 116]. Однако существует целый ряд документов, произведений, свидетельств, помогающих глубже разобраться в этой сложной проблеме. Среди них переписка А.С. Пушкина, П.А. Вяземского, А.И. Тургенева, В.А. Жуковского, А.А. Бестужева-Марлинского, Д.Н. Блудова, свидетельствующая о разносторонности интереса к творчеству Дж. Байрона в 20–30 гг. XIX в., и маргиналии В.А. Жуковского на произведениях Дж. Байрона, хранящихся в библиотеке В.А. Жуковского в Томске. Анализ маргиналий В.А. Жуковского на «Манфреде», «Гибели Сеннахериба» и 2 и 3 томах полного собрания сочинений Дж. Байрона, проведенный Э.М. Жилияковой в работе «В.А. Жуковский – читатель Дж. Байрона», свидетельствует не об отталкивании В.А. Жуковского от Дж. Байрона, а об эволюции интереса к нему В.А. Жуковского, связанной с общим направлением его эволюции, с поисками своего в многогранном таланте Дж. Байрона.

Среди современных литературоведов нет единой точки зрения на перевод В.А. Жуковского. И.Г. Неупокоева считает, что «в переводе В.А. Жуковского, так сильно передавшего русским стихом душевную драму узника ..., тема сильных духом прозвучала весьма приглушенно» [14, с. 83]. Причина этому – консерватизм взглядов В.А. Жуковского. Эта же точка зрения находит выражение в статье Н.А. Демуровой «О переводах Дж. Байрона в России». Она указывает на то, что В.А. Жуковский ослабил политический пафос поэмы тем, что не перевел «Сонета к Шильону». По мнению автора статьи, это вполне объяснимо: «В.А. Жуковский с его православием, его послушанием правопорядку, обласканный двором и самим императором, пытавшийся Пушкину преподать покорность, конечно, не мог перевести «Сонета», поющего борцов против тиранов. Отбросив «Сонет» и изменив несколько слов в тексте самой поэмы, он произвел своеобразную литературную трансформацию. «Шильонский узник» в этом виде читается уже совсем по-другому. Скажем, «martyr'd

father» в оригинале перекликается с ключевым словом в «Сонете» «martyrdom». Смысл его однозначен: это – мученичество во имя свободы» [10, с. 430].

В связи с этим возникает вопрос, правомерна ли такая перекличка «Сонета» с поэмой и этой ли причиной объясняется игнорирование В.А. Жуковским «Сонета», как известно, написанного уже по завершении Дж. Байроном работы над поэмой. Чтобы разобраться в этом вопросе, обратимся к истории создания Дж. Байроном поэмы и сонета. Согласно имеющимся данным, «Сонет к Шильону» был написан после того, как Дж. Байрон более точно познакомился с историей Бонивара из сообщения женева-ского натуралиста и историка Жана Сенебьера (1742–1809). Благодаря сведениям, изложенным в его «Histoire littéraire de Geneve» (1786), Дж. Байрон изменил свой взгляд на Бонивара и изложил его в примечаниях: «Когда сочинялась предлагаемая поэма, я был недостаточно знаком с историей Бонивара, иначе я постарался бы возвысить своего героя, постарался бы прославить его доблесть и достоинства» [25, с. 26]. Отсюда можно сделать вывод, что «Сонет» является не просто продолжением поэмы, он представляет собой другой взгляд на героя, воспеваает человека, сражающегося во имя свободы своих убеждений. И лишь в связи с сонетом поэма приобретает «республиканский дух», по мнению многих литературоведов, притупленный в переводе и восполненный религиозными мотивами [8, с. 606].

Как видим, поэма и сонет звучат по-разному: сонет оживляет своими яркими контрастами протест, поэма же переполнена настроением одиночества, меланхолии и пессимизма. Дж. Байрон предстает перед нами в двух ипостасях. В сонете он – хорошо известный поэт, проповедник индивидуалистического понимания мира и человека. Здесь во главе угла стоит личность и ее протест против действительности. В поэме же другой Дж. Байрон, близкий В.А. Жуковскому своим дуализмом мироощущения – внешний мир, скрывавшийся за видимыми явлениями, являет свою таинственную трагическую сущность. Здесь, по всей видимости, Дж. Байрон импонирует В.А. Жуковскому в методе подачи человеческого переживания. Место человека в мире, по В.А. Жуковскому, весьма значительно, а человеческое сознание – тончайший инструмент для контакта с внешним миром. Таким образом, вполне правомерно говорить о различии этих двух произведений по мироощущению, что, возможно, и стало еще одной причиной отказа В.А. Жуковского от сонета. На наш взгляд, их следует рассматривать как отдельные произведения, связанные между собой единым героем и единой историей этого героя.

Анализ перевода В.А. Жуковского поэмы «Шильонский узник» в сопоставлении с оригиналом позволяет сделать вывод, что распространенная точка зрения об ослаблении В.А. Жуковским свободолобного пафоса поэмы не имеет основания. Русский поэт перевел поэму Дж. Байрона относительно точно: сохранены не только главная тема и настроение – воздействие тюремного заключения на сильного духом человека, но и звучание поэмы (метрика, рифмовка). Прежде всего, это было связано с общностью мироощущения и принципов художественной системы двух поэтов, несмотря на различие их отношения к теме революции.

Выводы. Перевод В.А. Жуковского стал первым образцом русской романтической поэмы, фактом национальной культуры и русской моделью байронической поэмы. Метрическая форма «Шильонского узника» – четырехстопный ямб с парной мужской рифмой – стала продуктивной моделью в русской поэзии. В результате «сотрудничества» В.А. Жуковского с Дж. Байроном русский поэт не просто ознакомился с новым типом романтического мышления, нашедшим воплощение в произведениях английского романтика, он ознакомил русского читателя с глубиной философского мышления английского поэта, с его философскими и эстетическими принципами, близкими своей поэзии. Переводы русского поэта из Дж. Байрона способствовали открытию в русской литературе новой грани таланта английского романтика: лиризма и психологизма. Дж. Байрон В.А. Жуковского – результат долгого «соприкосновения» двух поэтов, поиска своего в таланте английского романтика.

Литература:

1. Жилиякова Э.М. «Шильонский узник» Байрона в переводе В.А. Жуковского / Э.М. Жилиякова // Художественное творчество и литературный процесс. – Томск, 1982. – Вып. 3. – С. 113–131.
2. Плетнев П.А. «Шильонский узник», поэма Лорда Байрона, переведенная с английского В. Жуковским / П.А. Плетнев // Соревнователь просвещения. – 1822. – Ч. 19. – С. 210–217.
3. Сомов О.О. О романтической поэзии / О.О. Сомов // Соревнователь просвещения и благотворения. – 1823. – Ч. 23. – № 8. – С. 97–101.
4. Налимов А.П. Байроновский «Шильонский узник» у Жуковского / А.П. Налимов // Литературный вестник. – 1902. – Т. 4. – Кн. 5. – С. 27–34.
5. Пыпин А.Н. Байрон в русской литературе / А.Н. Пыпин // Современник. – 1865. – № 6. – С. 209–235.
6. Резанов В.И. Из разысканий о сочинениях В.А. Жуковского / В.И. Резанов. – СПб., 1906. – 362 с.
7. Загарин П. В.А. Жуковский и его произведения / П. Загарин. – М., 1983. – 650 с.
8. Маслов В.И. Начальный период байронизма в России / В.И. Маслов. – К., 1915. – 132 с.
9. Веселовский А.Н. «Шильонский узник» / А.Н. Веселовский // Байрон. Сочинения : в 2 т. / Байрон. – СПб., 1904. – Т. 2. – 1904. – С. 484–490.
10. Демурова Н.О. О переводах Байрона в России / Н.О. Демурова // Вугон. Selections. – М., 1973. – С. 425–448.
11. Дьякова Н.Я. Лирическая поэзия Байрона / Н.Я. Дьякова. – М.: Наука, 1975. – 168 с.
12. Дубашинский И.А. Дж.Г. Байрон / И.А. Дубашинский. – М.: Просвещение, 1985. – 144 с.

13. Зверев А. Байрон и русская поэзия / А. Зверев // Байрон Д.Г. Избранная лирика / Д.Г. Байрон. – М.: Радуга, 1988. – С. 13–35.
14. Неупокоева И.Г. Революционно-романтическая поэма первой половины XIX века / И.Г. Неупокоева. – М.: Наука, 1971. – 520 с.
15. Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин / В.М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1978. – 423 с.
16. Лашкевич А.В. Байрон и байронизм в литературном сознании России первой половины XIX века / А.В. Лашкевич // Великий романтик Байрон и мировая литература. – СПб., 1991. – С. 160–175.
17. Топоров В.Н. Пушкин и Голдсмит в контексте русской Goldsmithia'ны (к постановке вопроса) / В.Н. Топоров // Wiener Slawistischer Almanach. – Wien, 1992. – Sonderband 29. – 222 с.
18. Сахаров В.И. Байрон и русские романтики / В.И. Сахаров // Великий романтик Байрон и мировая литература. – СПб., 1991. – С. 143–159 с.
19. Литературное наследство. Русско-английские литературные связи. XVII – первая половина XIX века : исследования акад. М.П. Алексеева. – М.: Наука, 1982. – Т. 91. – 864 с.
20. Жуковский В.А. Зарубежная поэзия в переводах В.А. Жуковского / В.А. Жуковский. – М.: Радуга, 1985. – Т. 1. – 606 с.
21. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений : в 12 т. / В.А. Жуковский. – СПб., 1902.
22. Зейдлиц К.-К. Жизнь и поэзия В.А. Жуковского / К.-К. Зейдлиц. – Пб., 1883. – 256 с.
23. Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения : в 2 т. / А.А. Бестужев-Марлинский. – М., 1981. – Т. 2. – 1981. – 487 с.
24. Бродский Н.Л. Байрон в русской литературе / Н.Л. Бродский // Литературный критик. – 1938. – Кн. IV. – С. 114–142.
25. Байрон Дж.Г. Сочинения : в 3 т. / Дж.Г. Байрон. – М., 1974. – Т. 2. – 1974. – 542 с.

Микитюк С. С. Проблема байронизму В. А. Жуковского

Анотація. Стаття присвячена вивченню проблеми байронизму В. А. Жуковського, рецепції творчості Дж. Байрона в його поезії, місця зроблених ним перекладів в історії російського романтизму.

Ключові слова: романтизм, переклад, байронизм, романтична поема.

Mykytiuk S. The problem of V. Zhukovsky's Byronism

Summary. The article studies the problem of V. Zhukovsky's Byronism, reception of the creative works by G. Byron in his poetry, the role of his translations in the history of Russian Romanticism.

Key words: Romanticism, translation, Byronism, romantic poem.